

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. М. ЛОМОВ

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С КОНТЕКСТОМ

При анализе грамматических (морфологических) категорий в динамическом аспекте перед исследователем встает задача первостепенной важности — установить закономерности семантического взаимодействия форм, входящих в состав той или иной категории, с функционально однородными средствами других уровней языка, прежде всего с контекстом.

Известно, что первые попытки осмыслить характер «контекстуального поведения» грамматических форм были предприняты еще в традиционной русской лингвистике XIX в., т. е. задолго до того, как была осознана необходимость выделения динамического аспекта в качестве особой области лингвистических исследований¹. Они имели следствием разработку теории общих и частных значений грамматических форм, констатировавшей, что содержание формы может обогащаться в реальном речевом употреблении за счет контекстных семантических признаков, в результате чего и возникает серия комбинаторных (частных) значений.

В последующие годы усилия языковедов оказались, однако, направленными не столько на выявление новых, ранее не вскрытых типов функционально-семантического контакта грамматики и контекста, сколько на переработку старых идей. Накануне второй мировой войны отдельные представители структурального направления (прежде всего Р. Якобсон) идентифицируют теорию общих и частных значений с «общезыковой» теорией инварианта и вариантов (в своей «исходной» форме ориентированной на объяснение явлений фонологического уровня), трактуя ее как одно из возможных приложений последней, претендующее на роль универсального аналитического инструмента в сфере грамматики (в первую очередь — в морфологии)². Такая гипертрофия объяснительной силы теории явилась естественным следствием ее синтеза (в рамках универсальной гипотетической модели бинарных морфологических противопоставлений) с другой, русской «по происхождению», концепцией — теорией «нулевой категории», которая, как известно, утверждает, что в отдельных случаях грам-

¹ См., например: Н. П. Н е к р а с о в, О значениях форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 94, 115, 307.

² См.: R. J a k o b s o n, Zur Struktur des russischen Verbums, «A Prague school reader in linguistics», Bloomington, 1964; е г о ж е, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, VI, 1936; е г о ж е, Signe zéro, «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally», Genève, 1939.

математическая форма может не передавать никакого признака и в то же время быть значимой в силу своей соотносительности с противопоставленными ей формами³. В версии Р. Якобсона эта теория приобретает не свойственные ей черты универсальности и оказывается связанной с трудно доказуемым постулатом об обязательной двучленности всех морфологических категорий⁴.

Сведенные воедино, эти две теории призваны были, по мысли Р. Якобсона, отразить как однородность самой организации морфологического строя (якоби основанного на принципе бинарной привативности), так и характер взаимодействия грамматической семантики и семантики контекстуальной.

В полном соответствии с этой моделью аспектологи оперируют обычно двумя основными положениями: 1) вид есть бинарная привативная оппозиция, одна из противочленов которой — имперфективная форма — не выражает ни наличия, ни отсутствия признака, специализируемого перфективной формой; 2) наряду с антиномией совершенности — несовершенности существует антиномия общих и частных значений видовых форм⁵.

Противоречивость этих положений не сразу бросается в глаза, видимо, из-за несопадения двух возможных характеристик «нейтрального» члена оппозиции — несовершенного вида. Последний (как это предполагает сама логика теории «нулевой категории» и ее «усеченного» варианта — теории грамматической привативности) с точки зрения своего абсолютного значения является по существу неинформативным: он не выделяет ни один из аспектов названного действия и тем самым оказывается своего рода номинативным «нулем». В то же время в релятивном (интруктурном) плане он информативен в силу своей противопоставленности другому — «положительному» — члену оппозиции (совершенному виду).

Возникает, однако, вопрос: какие языковые значения — абсолютные (номинативные) или релятивные (интруктурные) — следует учитывать в функциональном описании? Сама специфика динамического аспекта предполагает анализ того, как на основе взаимодействующих друг с другом языковых элементов формируются «смыслы», которыми обмениваются в процессе общения говорящие. Поскольку же эти «смыслы» так или иначе соотносены с объективной реальностью, конструироваться они, естественно, могут только из абсолютных (номинативных) значений, представляющих собой продукт ориентации соответствующих языковых элементов на ту же объективную реальность, но отнюдь не из значений интруктурных, которые отражают положение этих элементов в системе однородных средств выражения и никакой информации о чем-либо, лежащем вне этой системы, не несут. Иными словами, релятивный принцип, полезный и необходимый при изучении языка в предметном бытии, в отвлечении от динамики его естественного существования, когда исследователя интересуют лишь элементы языка и их системные связи, фактически исключен в динамическом аспекте — при рассмотрении языка с точки зрения функционального взаимодействия различных его элементов. В последнем случае могут и должны учитываться только абсолютные (номинативные) значения этих элементов.

³ В наиболее полном виде эта теория сформулирована А. М. Пешковским (А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 28—29), хотя сама идея о существовании таких категорий высказывалась еще К. С. Аксаковым, Н. П. Некрасовым, а позднее Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым.

⁴ R. Jakobson, Zur Struktur... стр. 347 и сл.

⁵ Такая точка зрения принята в работах Р. Якобсона, Ю. С. Маслова, Д. Форсага и ряда других лингвистов.

Но если признавать применительно к узкой задаче интерпретации категории вида, что, во-первых, вступать в контакт с контекстом могут лишь абсолютные значения видовых форм и что, во-вторых, абсолютное значение несовершенного вида есть номинативный (аспектуальный) «нуль»⁶, нельзя не заметить всей парадоксальности возникающей ситуации: дело представляется таким образом, будто «нулевой» инвариант обладает серией частных значений. Очевидно, однако, что контекстными средствами, выражающим такие аспектуально значимые признаки действия, как процессность (*Он сидит и читает*), кратность (*По понедельникам он занимается в библиотеке*), потенциальность (*Ребенок уже сам одевается = умеет одеваться*) и т. д., в данном случае нечего модифицировать. Эти средства выступают как первичные квалификаторы аспектуальной структуры глагольного действия (поскольку несовершенный вид не характеризует это действие в «абсолютном» аспектуальном плане), т. е. в сущности играют ту же роль, что и аналогичные средства в языках, не имеющих категории вида, например, в немецком. Естественно, что приписывать в этих условиях несовершенному виду серию частных значений — это все равно, что допускать, будто нуль, помноженный на какое-нибудь число, способен дать в произведении величину, отличную от нуля.

Указанные неувязки — а они свидетельствуют не только о невозможности приложения концепции Р. Якобсона к глагольному виду, но и вообще о логической несостоятельности этой концепции — не остались незамеченными в современной аспектологии. Именно они — пусть не всегда осознаваемые достаточно отчетливо — и явились, собственно говоря, причиной бурно протекающего в последнее десятилетие процесса перестройки объяснительной модели вида — процесса, который предполагает обычно отказ от использования теории «нулевой категории».

Путь поисков в этом направлении представляется, однако, не совсем оправданным. Нет сколько-нибудь серьезных оснований отказываться от трактовки несовершенного вида как «нулевого» члена противопоставления. Эта дефиниция, восходящая к А. А. Шахматову и А. М. Пешковскому, во-первых, учитывает уроки прошлого, свидетельствующие о невозможности сведения всех конкретных употреблений несовершенного вида к общему «положительному» знаменателю, и, во-вторых, вполне удовлетворительно объясняет случаи импликации (т. е. проникновения несовершенного вида в сферу обычного употребления совершенного вида), что является, как известно, камнем преткновения для самых разных объяснительных моделей видовой категории. Кроме того, принять тезис о «положительном» характере абсолютного значения несовершенности значило бы оставить без убедительного ответа вопрос: почему противопоставленные формы — совершенности и несовершенности — порождают в реальном речевом употреблении односторонние значения, например, кратности (*Сестра почти не бывает у нас, разве иногда з а б е г а е т с работы на минутку* и *Сестра почти не бывает у нас, разве иногда з а б е ж и т с работы на минутку*) и потенциальности (*Он легко п о д н и м а е т центнер* и *Он легко п о д н и м е т центнер*).

Более логичен иной путь преодоления выявленных противоречий: следует решительно отказаться от мысли об однородном характере взаимодействия грамматической и контекстуальной семантики и признать, что формы такого взаимодействия гораздо богаче и разнообразнее, чем те, которые предусматриваются «универсальной» теорией инварианта и вариантов. Применительно к виду можно, на наш взгляд, утверждать, что содержатель-

⁶ А этого не отрицает и сам Р. Якобсон, подчеркивая, что в привативной оппозиции «ничто» противопоставляется «ничему» (R. J a k o b s o n, *Signe zéro*, стр. 145).

ный контакт видовой формы и аспектуально значимого контекста⁷ строится на основе аддитивного принципа, предполагающего простое сложение их значений, в результате чего и создается аспектуальная характеристика действия. Контекст здесь является не модификатором видовых значений, лишь опосредованно — через категорию вида — участвующим в детерминации характера протекания действия во времени, а полноправным «партнером» видовых форм, вместе с ними определяющим коммуникативно значимые признаки действия. Более того, в случае неинформативности видовой формы он фактически становится единственным языковым средством, которое выполняет функцию «аспектизации» действия.

Такая постановка вопроса, естественно, определяет и сам характер анализа рассматриваемых явлений аспектуального плана. Этот анализ должен предполагать прежде всего инвентаризацию выражаемых контекстом аспектуальных значений, установление их совместимости (несовместимости) со значениями видовых форм и, наконец, описание основных типов аспектуальной характеристики действия с точки зрения ее состава: является ли она действительно суммарной величиной или же из-за неинформативности какого-то одного слагаемого фактически репрезентирована либо только видом, либо только контекстом.

Выделяемые индуктивным путем контекстные аспектуальные значения неоднородны по характеру своей «семантической дистрибуции»: одни из них могут быть сообщены действиям, выраженным глаголами, в любой видовой форме — перфективной или имперфективной, другие, наоборот, реализуются лишь в том случае, если глагол, называющий данное действие, «маркирован» морфемой несовершенности. В то же время не существует ни одного контекстного значения, которое было бы способно контактировать исключительно с семантикой совершенности и не реализоваться при употреблении глагола в несовершенном виде.

Контекстные значения, совместимые со значениями обоих видов, способны манифестироваться как бы на двух уровнях: 1) представлять аспектуальную характеристику действия в целом (в условиях видовой «нейтральности») и 2) быть составной частью этой характеристики (которая здесь представляет собой результат сложения семантики совершенности и семантики контекста).

Кратное значение предполагает наличие у действия в какой-то фиксированный временной промежуток (им может быть или момент речи, или момент, о котором идет речь) свойства воспроизводиться с определенной степенью регулярности. Это значение преимущественно реализуется при употреблении глаголов в несовершенном виде, который, будучи неинформативным в абсолютном плане, оказывается в принципе безразличным к тому, какой показатель кратности введен в предложение и к какому временному плану отнесены кратные действия: «Мы теперь *обедаем* в седьмом часу» (А. Чехов, Дядя Ваня); «Иногда я *зарабатываю* много денег, иногда — курам на смех» (К. Паустовский, Книга странствий); «И вдруг, осененная внезапной мыслью, она заговорила: „Вот я и *буду* туда *носить!*“» (М. Горький, Мать); «Зато преподаватель литературы в старших классах Аркадий Никандрович постоянно *мне противоречит*» (В. Тендряков, Чрезвычайное).

Постановка глагола в совершенном виде существенно меняет статус контекстного значения кратности: оно уже не передает аспектуальную характеристику действия в целом, а становится лишь частью ее и в связи

⁷ Здесь и далее термин «аспектуально значимый контекст» понимается широко — как совокупность лексических, инфлексивных, синтаксических и других средств, определяющих тот ракурс (аспект), в котором подается данное действие.

с этим должно быть определенным образом согласовано со вторым слагаемым аспектуальной характеристики — со значением перфективной формы⁹. Последняя оказывается своего рода регулятором, определяющим и возможные пределы варьирования самого значения кратности, и временную сферу его реализации.

Легко заметить, что контекстные показатели кратности являются семантически неоднородными в силу различной передачи самой идеи повторяемости: одни из них непосредственно определяют степень регулярности повторяющихся действий (*часто, иногда, изредка, всегда*), вторые указывают на момент времени, о котором известно, что он носит циклический характер (*по понедельникам, вечерами*), третьи совмещают признак регулярности с признаком длительности (*подожду, целыми днями*) и т. д. Если несовершенный вид безразличен к характеру кратности (выбор здесь регулируется исключительно коммуникативными потребностями), то совершенный вид «отбирает» лишь те показатели кратности, которые не противоречат принципам экземплификации. Последний предполагает выделение одного акта, взятого в качестве «наглядного примера, иллюстрирующего собой общее положение, в качестве типичного представителя неограниченно повторяющегося, обычного действия»¹⁰. Такому условию обычно отвечают слова и конструкции 1-го типа (*иногда, время от времени* и пр.).

Временная сфера реализации кратного значения также достаточно узка: практически оно возможно лишь при употреблении соответствующего перфективного глагола в настоящем времени. Впрочем и здесь, как отмечает Ю. С. Маслов, «экземплифицированные действия возможны по преимуществу в рамках кратно-парной и кратно-цепной конструкции»¹⁰: «Как, бывало, увидят ее, так и побегут прочь» (А. Чехов, В почтовом отделении); «И все-таки она не забывала тетю Машу: прибежит, немного-словно сообщит свои новости или постирает замызганные комбинезоны» (В. Кетлинская, Вечер. Окна. Люди); «И лишь проходя мимо белой хаты с упавшим плетнем, Вячеслав Иванович задумается, порой даже остановится и вздохнет» (Изв. 27 XI 1970)¹¹.

Некоторые из славянских языков допускают суммирование кратности с перфективностью даже в прошедшем времени¹². Для русского языка непосредственный их контакт в этих условиях исключен (ср. невозможность сочетаний: *иногда прочитал, изредка пришел* и т. д.). И лишь, так сказать, окольным путем кратность может быть все-таки совмещена с перфективностью в прошедшем времени — на основе осмысления как повторяющихся во времени ситуаций, в рамках которых осуществляются те или иные действия: «Но за вальдшнепом далеко не поскачешь: *мелькнул* и нет его» (Г. Троепольский, Белый Бим Черное ухо); «Выработалась нелепая привычка: если *встал* на лыжи, то жми изо всех сил» (В. Солоухин, На лыжне); «Теперь для всех четырех бортпроводниц началась главная работа. Закон авиасервиса: *встретил* пассажира на борту, тут же отсеки все, что способно влиять на твоё настроение» (Ком. правда 10 IV 1974).

⁹ Значение совершенного вида нами рассматривается как указание на достигнутость действием некоторой фиксированной точки своего развития.

¹⁰ Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление), «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 232.

¹⁰ Там же, стр. 245—246.

¹¹ О других условиях такого употребления см.: А. В. Бондарко, Л. Л. Вулавкин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 69.

¹² См.: А. Т. Ширкова, Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках, сб. «Исследования по славянскому языковедению», М., 1971, стр. 293.

Аналогичным же образом кратность суммируется с совершенностью и в плане будущего времени: «Скрипит снег, и тревожной синевой напуган воздух, и жиденько расплывается утренняя зорька на небе, из-под нахлобученной крыши навстречу хитренько, как в прищуре, поблескивают узкие окна свиарника. Так было позавчера, так было вчера, так сегодня и так будет завтра. И Насте кажется, что она живет на свете не двадцать семь лет, а долгие-долгие века — так заучена ее жизнь. Сейчас *пройдет* по утоптанному выгону, *снимет* тяжелый замок с дверей, навстречу мягко *ударит* спиргово перекипший воздух. Она *растопит* печь под котлом, а пока котел закипает, *засыплет* мешок мелкой картошки в барабан картофелемойки. Начинается рабочий день» (В. Тендряков, Поденка — век короткий).

Реализация так называемого потенциального значения связана с необходимостью характеристики действия со стороны его взаимоотношений с деятелем: говорящий оценивает здесь возможности (способности) субъекта, который призван стать исполнителем данного действия.

В тех случаях, когда потенциальность репрезентирует аспектуальную характеристику действия в целом (т. е. при условии контакта с неинформативным несовершенным видом), в качестве возможных обычно квалифицируются такие действия, которые легко воспроизводятся по желанию субъекта: «Он был славный парень, и лучше всех в классе *рисовал*» (В. Драгуновский, Независимый Горбушка); «Я, правда, немного *рисую*, легко *запоминаю* разные звучные имена и лихо их *произношу*» (Ю. Нагибин, Переулки моего детства); «Он отлично *танцует*, *говорит* по-французски» (Л. Толстой, Юность). Самый факт обладания навыками может быть отнесен к любому из трех временных планов (ср.: *В десять месяцев ребенок уже ходил — Через месяц-другой ребенок будет уже ходить — Ребенок уже ходит*).

При употреблении глаголов в совершенном виде потенциальность (которая здесь становится лишь частью аспектуальной характеристики действия) акцентирует внимание на том, что субъект способен *о с у щ е с т в и т ь*, *исчерпать* какое-либо действие, причем само это действие может носить как разовый, так и кратный характер: «Мало ли что про вдову *набалтают*» (Д. Мамин-Сибиряк, Хлеб); «— А что, господа, как вы думаете, — спросил я, показывая пальцем на коршуна..., — можно ли попасть отсюда? *Попадете?*» (А. Чехов, Двадцать девятое июня); «Только в старых домах, где живут десятилетиями, *отважится* женщина выйти во двор в таком затрапезном виде» (Ю. Нагибин, Переулки моего детства).

Результативное значение предполагает перенос коммуникативного акцента с названного глаголом действия на последствия (результат) этого действия. Такой перенос допускается независимо от того, глагол какого вида — совершенного или несовершенного — употреблен в данном случае. Известно, однако, что результативность контактирует с семантикой несовершенности очень редко и при узком круге глаголов¹³. Временной диапазон результативности здесь тоже не отличается широтой — как правило, это значение реализуется только в прошедшем времени: «— А чем я плох? — усмехнулся Князев. — *Сидел? Воровал?* Что ж, глупый был, молодой, не теми дорожками ходил» (Л. Карелин, Микрорайон); «Как вырос, так и помрет, ничего не *видал*, ничего не *слыхал*. Вот она, мужицкая жизнь» (Сказка о барине и мужике).

Причина функциональной ограниченности результативности очевидна: поскольку несовершенный вид оставляет действие неохарактеризованным

¹³ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1972, стр. 443.

в аспектуальном отношении, крайне неопределенным остается и время возможной смены действия его последствиями. Наоборот, действие, передаваемое глаголом совершенного вида, часто предстает как осуществленное, исчерпанное к моменту говорения (или к какому-то другому фиксированному моменту), а это значит, что последствия действия (если, разумеется, они достаточно очевидны) даны уже как существующие в тот же самый момент времени. Отсюда, естественно, результативность чаще всего реализуется при употреблении глаголов в совершенном виде: «Приходская наша церковь стара, невелика, иконостас *почернел*, стены голые» (И. Тургенев, Записки охотника); «У поводыря в густых кудрях сединам много серебрится да лицо *почернело* от ветра» (В. Гаршин, Сказание о гордом Аггее); «Олег — прямой, статный. Лицо красивое, молочно-восковой спелости. Черные брови *срослись* над прямым носом» (И. Грекова, Летом в городе).

По существующей традиции результативное значение рассматривается обычно в кругу частных значений прошедшего времени (т. е. фактически выводится за пределы аспектуальности). Поводом для этого, по всей вероятности, служит известный факт происходящего здесь смещения временного плана: хотя действие морфологически представлено как «прошедшее», его контекстуальный результат определяется как «настоящее». При этом далеко не всегда, однако, учитывается одно весьма существенное обстоятельство: результат может быть отнесен не только к плану настоящего, но и к плану прошедшего времени: «Когда пришли домой, Егор Семенович, уже *встал*» (А. Чехов, Черный монах); «Когда он проснулся, число пассажиров *уменьшилось* вдвое» (Л. Леонов, Русский лес)¹⁴.

Более того, в некоторых случаях (правда, сравнительно немногочисленных) результативность может реализоваться даже в будущем времени: «Наташа улыбалась, зная, что час за часом они будут чокаться. понемногу пить и помногу говорить, и у мужа к утру *набрякнут* мешки под глазами, а настроение будет размягченное и счастливое» (В. Кетлинская, Вечер. Окна, Люди); «Пройдет много лет, и в темный вечер, над которым *повиснет* такое же, как и тогда, небо, один из нас воскликнет...» (Ком. правда 2 II 1974).

Таким образом, значение результативности является регулярным: оно «проходит» через все три временных плана и в связи с этим оказывается как бы вынесенным за скобки по отношению к категории времени. Это, в сущности, обычная аспектуальная «прибавка» к действию, и не более. Разумеется, эта «прибавка» вносит определенные коррективы в темпоральную характеристику факта. Но подобные же коррективы вносятся и при сигнализации значений кратности и потенциальности, свидетельством чего могут служить традиционные споры о том, как соотносятся с моментом речи так называемые «неактуальные» действия.

Термин «нулевое» значение, конечно, достаточно условен, поскольку речь идет о тех случаях, когда контекст вообще не принимает участия в аспектуальной характеристике действия. И если мы все-таки говорим о «нулевом» значении, то лишь потому, что сам факт контекстного «нейтралитета» оказывается значимым на фоне других «положительных» значений. В условиях контакта «нулевого» контекстного значения с информативным в абсолютном плане несовершенным видом аспектуальная индифферентность контекста практически означает, что действие в аспектуальном отношении вообще остается неохарактеризованным. Оно просто названо, но его структура за коммуникативной ненужностью осталась нераскрытой. Сфера реализации «нулевого» значения узка и определена:

¹⁴ См. об этом: Н. С. Поспелов, О значении форм прошедшего времени на современном русском литературном языке, «Уч. зап. МГУ», 128. Труды кафедры русского языка, 1, 1948, стр. 124.

это простое сообщение (или вопрос) о факте, который интересует говорящего лишь с одной стороны — имел он место или нет: «Вальдшнепы еще не *прилетали*» (И. Тургенев, Записки охотника); «Кирилл нарушил нестерпимую немому: „Ты *встречалась* с Цветухиным?“» (К. Федин, Первые радости); «— Я же вас *предупреждал*, — сказал директор» (Д. Гранин, Место для памятника).

В «чистом» виде рассматриваемое значение реализуется исключительно в прошедшем времени (что в общем-то с исторической точки зрения вполне объяснимо: оно восходит, как известно, к значению одного из прошедших времен — аориста). В других временных планах оно полностью или частично вытесняется «положительными» значениями.

При совмещении «нулевого» контекстного значения с перфективностью аспектуальная характеристика действия определяется исключительно морфемой совершенного вида, т. е. перед нами тот случай, когда значение грамматической формы предстает в не осложненном контекстом виде. Примечательно, что даже исследователи, склонные видеть здесь одну из контекстных модификаций совершенности, констатируют, что данное значение «в наименьшей степени зависит от контекста»¹⁵.

Именно эта независимость от контекста является причиной широкого и свободного употребления глаголов совершенного вида в собственно грамматическом их значении как в прошедшем, так и в будущем времени: «Ващенко *пошевельнулся* наконец, *оторвал* взгляд от устало выброшенных на стол рук, *взглянул* на меня запавшими глазами» (В. Тендряков, Чрезвычайное); «Они *посмотрели* влед мальчику» (Д. Гранин, Кто-то должен); «— Товарищ директор, я *прицепщика позову*, Ванюшку» (В. Соколов, На степной реке)¹⁶.

Контекстные значения, несовместимые со значением совершенного вида, не терпят никаких ограничений и могут быть реализованы только в том случае, если вид неинформативен со стороны абсолютного значения. Поскольку данному условию удовлетворяет только имперфективная форма, именно она и обладает способностью контактировать с данными значениями. Во всех случаях такого контакта аспектуальная характеристика действия определяется исключительно контекстом.

Конкретно-процессное значение представляет действие как развертывающееся во времени и, стало быть, как незавершенное, неисчерпанное в момент речи (для настоящего времени) или в какой-либо другой фиксируемый момент (для форм прошедшего и будущего времени): «Селенин *показал* рукой: „Смотрите, язь *играет*. Ишь *блестит*!“» (Д. Гранин, Кто-то должен); «Я *вошел* к нему, когда он *сидел*, согнувшись над своим письменным столом» (В. Гаршин, Надежда Николаевна); «Я *буду сидеть* и *курить* трубку. Маша с утюгом пройдет на кухню. Я скажу: „Позовите Машу!“» (Л. Толстой, Отрочество).

Наглядность в изображении событий, которая задается конкретно-процессным значением, разрешена широкому кругу глаголов. Однако здесь имеются определенные ограничения. Любой намек на возможное завершение действия вступает в противоречие с самой идеей процессуальности. Поэтому существует целый ряд глаголов несовершенного вида (*прочитывает*, *приезжает* и под.), употребление которых в конкретно-процессном значении невозможно. Так, по-русски нельзя ответить на вопрос: *Что он сейчас делает?* фразой типа: *Он прочитывает газету*. Здесь употребляется соответствующий бесприставочный глагол *читает*.

¹⁵ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланов, Русский глагол, стр. 22.

¹⁶ В настоящем времени это значение вытесняется значениями краткости или потенциальности.

Не могут также участвовать в передаче процессности и некоторые другие глаголы: тотивные (по терминологии Д. Грубора¹⁷), многократные и т. д.

Констатирующее значение в известной степени является противоположностью конкретно-процессного. Различие между ними определяется не столько общими контекстными условиями, сколько непосредственно глагольной семантикой. В констатирующем значении обычно употребляются глаголы, неспособные отражать поступательное развитие событий. Это скорее знаки отношений, которые существуют между предметами и явлениями объективной действительности. Поскольку же данные отношения мыслятся как достаточно стабильные, их временное проявление оказывается по существу неограниченным (отсюда широкое употребление гермина «постоянно-непрерывное значение»). Но говорящий обычно и не ставит своей задачей определить, как долго могут существовать эти отношения, он лишь констатирует их наличие в момент речи или в какой-либо другой момент: «Дом *выходил* окнами в поле» (Д. Гранин, Вариант второй); «Деревня Бесселендеевка *отстояла* всего на восемь верст от Бессонова» (И. Тургенев, Записки охотника); «От того, как будет построен корпус, *будут* в конечном счете *зависеть* и все мореходные качества корабля» (В. Кочетов, Журбины); «В еловых шишках много смолы, и потому они *всят* гораздо больше сосновых» (К. Паустовский, Корзина с еловыми шишками).

Круг глаголов, репрезентирующих констатирующее значение, достаточно широк. Сюда относятся глаголы со значением постоянного бытия или наличия (*находиться, принадлежать, наличествовать*), глаголы со значением названия (*именовать, называть*), глаголы со значением установления эквивалентности или характерных параметров предмета (*взвесить, стоить, насчитывать*) и т. д.

К в а л и ф и к а т и в н о е з н а ч е н и е представляет собой своего рода промежуточный случай между конкретно-процессным и констатирующим значениями. Оно фиксирует как существующую в тот или иной период связь субъекта с глагольным признаком, который в принципе может быть представлен как процесс, но в данный период не реализуется, не развертывается во времени: *Мой брат к у р и т, Лошади е д я т овес, Она п о е т в горе* и т. д. (поскольку говорящий считает важным здесь определить какие-то типичные свойства субъекта).

З н а ч е н и е з а п л а н и р о в а н н о с т и действия. В ряде случаев глаголы несовершенного вида называют такие действия, которые интерпретируются контекстом как планируемые в момент речи к исполнению: «Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я *поступаю* на сцену. Завтра меня здесь не будет, я *ухожу* от отца, *начинаю* новую жизнь» (А. Чехов, Чайка); «Нынче в ночь я *еду* в Москву и *беру* вас с собой» (Л. Толстой, Детство); «Завтра утром я *уезжаю* из Петербурга» (Ф. Достоевский, Униженные и оскорбленные).

Как правило, такое употребление глаголов несовершенного вида не рассматривается в аспектологии на том основании, что здесь якобы имеет место переносное употребление формы настоящего времени. С этим мнением довольно трудно согласиться, поскольку значение запланированности является регулярным — оно нередко реализуется в прошедшем времени: «Машина, с которой ей надо было ехать, *уходила* в семь часов» (К. Симонов, Последнее лето); «Сейчас из приезжих осталась только семья одесского учителя по фамилии Бачей — отец и два мальчика... Но и они

¹⁷ Д. Г р у б о р, Отрывок из книги «Видовые значения», сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962, стр. 76.

сегодня покидали дачу» (В. Катаев, Белеет парус одинокий); «Московский поезд отправлялся ровно в двенадцать. Оставался ровно час» (Ф. Достоевский, Ушаженные и оскорбленные).

Естественно, что как всякое регулярное значение, определяющее структуру действия если не во всех, то по крайней мере в двух временных планах, оно должно быть отнесено к числу аспектуальных.

Анализ выделенных контекстных значений¹⁸ и их взаимоотношений с семантическим содержанием видов не позволяет, таким образом, рассматривать аспектуальную характеристику действия как явление достаточно однородное с точки зрения способа ее содержательной репрезентации. Это нестабильная величина, которая может: а) представлять собой семантический комплекс, складывающийся из значения совершенного вида и значения, сигнализируемого контекстом (кратности, результативности, потенциальности); б) совпадать по семантическому объему со значением совершенного вида; в) определяться исключительно контекстом, принимающим на себя роль экспликатора признаков кратности, потенциальности, процессности и т. д.; г) быть номинативным «нулем», т. е. не выделять ни один из аспектов названного глаголом действия. Иными словами, аспектуальная характеристика действия не должна отождествляться с явлениями какого-то одного плана — грамматического, контекстуального или, наконец, контекстуально-грамматического. Она способна быть и тем, и другим, и третьим — в зависимости от того, как в данном конкретном случае взаимодействуют видовое значение и значение, сигнализируемое контекстом.

Если принять предлагаемую трактовку, вид, конечно, нельзя считать гетерогенной категорией, передающей (пусть вместе с контекстом) самые разнообразные признаки — от временных до модальных (именно такой вывод заставляет делать привлекаемая для объяснения вида теория общих и частных значений)¹⁹. Наоборот, он предстает как узкоспециализированная система грамматической актуализации лишь одного из возможных аспектов действия — система, особым образом согласованная с комплексом неграмматических (контекстуальных) средств, передающих д р у г и е — действительно гетерогенные — аспекты глагольных действий.

•

Каковы объяснительные возможности рассматриваемой (аддитивной) модели функционально-семантического взаимодействия грамматических форм и контекста? Приложима ли она только к виду, или же с помощью ее можно интерпретировать какие-то другие языковые факты? Ответ на эти вопросы дадут, очевидно, лишь конкретные исследования. Вполне допустимо, что в процессе таких исследований будут обнаружены новые, пока еще не выявленные типы содержательных контактов грамматики и контекста. Вскрыть характер этих контактов, определить сферу возможного действия обнаруженных закономерностей (а не генерализовать лишь какую-то отдельно взятую закономерность) — такова одна из задач языковедения, если оно действительно ставит целью описать свой объект во всей его сложности и многоаспектности.

¹⁸ Достаточно очевидно, что их можно представить в более дифференцированном виде, однако в данном случае это не меняет существа дела.

¹⁹ Ср. замечание К. Шнейдера о том, что грамматическая категория вида «не покрывает гомогенную понятийную категорию» (K. S c h n e i d e r, Der russische «Aspekt» als Sonderfall eines allgemeineren Aspektbegriffes, «Scando-Slavica», XIII, 1967).